

КРЫСА

Бекдемишевской
библиотеки

Индира Неганди

Индира НеГанди

**Крыса Беклемишевской
библиотеки**

«Автор»

2026

НеГанди И.

Крыса Беклемишевской библиотеки / И. НеГанди — «Автор»,
2026

Книга вошла в шорт лист конкурса «Нефинальная фантазия» 2026.ОНИ СПРЯТАЛИ ОТ НЕЁ ВЕСЬ МИР. ОНА ЕГО НАЙДЁТ.Москва, которую ты знаешь — декорация. Под асфальтом бьётся сердце из льда и стали. За тобой следят вороны-оборотни. Твой сосед — бессмертный страж. А бабушка десятилетиями поила тебя зельем, чтобы ты не услышала, как город говорит на языке мёртвых.Теперь каплям пришёл конец. Портал открыт. И твой «наставник» только что выпал из списка мёртвых. Беги. Доверяй только коту, который не кот. И помни главное: они хотят не убить тебя. Они хотят, чтобы ты ОТКРЫЛА ДВЕРЬ. Пора показать им, что ты не ключ.Война за Москву-изнанку началась. Выбери сторону. Или создай свою.

© НеГанди И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: СТОЛЕТНЯЯ СТАРУХА И СТРАШНЫЙ СОН	5
ГЛАВА 2: ТЕНЬ НА ЯВИ	8
ГЛАВА 3: МИР, КОТОРЫЙ ЖДАЛ	11
ГЛАВА 4: ОБРАТНАЯ СТОРОНА МОСКВЫ	14
ГЛАВА 5: СТРАННОСТИ ТОЛЬКО НАЧИНАЮТСЯ	19
ГЛАВА 6: ШАР В ТЕМНОТЕ	22
ГЛАВА 7: ПОБЕГ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Индира НеГанди

Крыса Беклемишевской библиотеки

ГЛАВА 1: СТОЛЕТНЯЯ СТАРУХА И СТРАШНЫЙ СОН

Скрип половицы в ночной тишине прозвучал как выстрел, эхом разлетевшись по старым стенам дома на Подколольном.

Алиса замерла, пальцы впились в край одеяла.

«Кошка?» – мелькнула в голове отчаянная, глупая надежда.

– Кто здесь? – её голос сорвался предательским шёпотом.

Она вскочила, не решаясь зажечь свет. Ядовито-зелёные цифры на прикроватных часах безжалостно отсчитывали время: 23:38. Тишина стала такой густой, что зазвенела в ушах.

Алиса сделала осторожный шаг к двери, но старый паркет под ногой взвыл жалобно, выдавая её присутствие.

– Я здесь, – ответил скрипучий голос прямо из темноты коридора. Звучал он так, будто его владелец годами копил этот звук, не произнося ни слова.

Сердце Алисы ухнуло в пятки и замерло. Она рванулась к выключателю.

Вспыхнувший свет выхватил из мрака сгорбленную фигуру в застиранном цветастом халате.

– Какого чёрта?! – выдохнула Алиса, с трудом узнавая соседку Анну.

Старухе, по всем слухам, было сто лет. А может, и все сто пятьдесят. Весь дом шептался, что Анна переживёт всех московских тараканов.

– Дверь чего не заперла, дурёха?! – прохрипела Анна, сверля Алису взглядом, полным праведного, но совершенно неуместного гнева. – Кто тут только не бродит! А ты, ишь ты, щель открыла настезь!

Алиса оторопела. Соседка вела себя так, будто это Алиса ворвалась к ней посреди ночи, а не наоборот.

– Да что вы...

Фыркнув, старуха развернулась и зашаркала прочь, хлопнув дверью в свою квартиру.

Алиса осталась стоять с открытым ртом. Анна всегда была странной, наглой и бестактной. Но чтобы вот так – ворваться в чужую квартиру среди ночи... Это было за гранью.

Она щелкнула замком, прислушалась. В квартире повисла тишина, которую тут же разорвал знакомый шорох за спиной.

Алиса похолодела.

Из темноты кухни донеслось знакомое, бесстрастное:

– Мяу.

– Крыса! – шипя, выдохнула Алиса. – Чтоб тебя...

Кот, чёрный как сама ночь, сидел на подоконнике. Его фосфорно-жёлтые глаза смотрели на неё без тени раскаяния. Алиса метнулась к нему, но Крыса ловко юркнул в приоткрытую форточку и спрыгнул в темноту двора.

– Ах ты дрянь! – Алиса высунулась из окна.

Внизу, в круге слабого света от фонаря, сидел Крыса. Он снова мяукнул – коротко, требовательно – и сделал несколько шагов в сторону переулочка, не сводя с неё глаз. Он ждал.

Она не могла потерять кота. Бабушка сойдёт с ума.

– Следующий раз поедешь с бабушкой Любой, – пробормотала Алиса, уже натягивая пальто поверх пижамы. Сентябрьский воздух за стеной дома был ледяным. Москва напоминала, что она – северный город.

Крыса ждал у подъезда, а потом повёл её, как дрессировщик непутёвую собаку. Он шёл, оборачивался, дожидался, когда она отстанет. Вел глухими переулками, где даже фонари казались сонными и бесполезными.

– Чтоб тебя крысы съели, – выругалась Алиса, замёрзшая и уже до смерти напуганная этой ночной прогулкой.

И в этот миг кот исчез. Пропал. Ни вспышки глаз в темноте, ни шороха. Тишина обрушилась на неё всей своей тяжестью. В висках зазвенело тонко и болезненно, будто лопнула струна где-то внутри черепа. И тогда Алиса поняла – это не просто тишина. Это была глухота. Она не слышала машин. Не видела огней в окнах. Весь мир будто выключили, оставив только сплошную, бархатную тьму. И слышала только свое сердцебиение.

Паника подкатила к горлу. Тошнотворная, острая. Потом волна звука, неразборчивого гула оглушила её. Она рванулась бежать – куда? И в этот миг вспыхнул свет. Не луч фонаря. Прямоугольное, ровное пятно кроваво-красного света, будто проступившее сквозь асфальт. Оно падало со стены здания напротив – Московского строительного университета.

Из-под этого света выбежали трое, показалось Алисе. Но потом она разглядела только два силуэта. Длинные, спутанные волосы, мешковатая одежда. Они тащили между собой третьего – мужчину, который едва держался на ногах.

– Хватай его! – крикнул один.

Они швырнули мужчину на землю прямо под красный луч. Тот бессмысленно уставился на стену, откуда лился свет, и обмяк. Алиса вжалась в кирпичную стену, желая провалиться сквозь неё. Сердце колотилось где-то в горле.

И тогда из-за поворота выполз серебристый свет. Неяркий, призрачный.

– Сюда! – закричала Алиса, подумав о фарах. О спасении.

Но это были не фары. Густой, липкий туман пополз по мостовой, и из его глубины, бесшумно, выплыла КАРЕТА. Она была прозрачной, будто из слежавшегося льда. Чёткие очертания, огромные лошади с развевающимися гривами. И она не ехала – она плыла по туману.

Дыхание у Алисы перехватило, ноги стали ватными.

Алиса рванулась бежать, но мир сузился до железного захвата на запястье. Чьи-то пальцы, холодные и твердые, впились в кожу, а ледяная ладонь накрыла рот, обрывая крик на вдохе. От похитителя пахло старым погребом и сырым черноземом.

– Кто там? Хватай! – прохрипел один из «колтунов», отрываясь от своей жертвы. В его глазах, подернутых мутной пленкой, не было ничего человеческого – только голод.

– Сюда, Степан Терезович! Поторопись, пока они не начали делить её по частям! – звонкий, почти детский голос прозвучал прямо у неё над ухом, но тепла в нем было не больше, чем в морге.

Алиса с силой дернула рукой и попыталась укунить ладонь. Похититель лишь сухо хмыкнул, не ослабляя хватки.

Кучер на козлах – костлявый силуэт в нелепом высоком цилиндре – коротко свистнул. Кони, огромные, угольно-черные, с пастями, из которых сочился холодный синий свет. Копыта высекали искры из асфальта, и тяжелая махина кареты понеслась прямо на Алису.

– С ума сошли?! – попыталась выкрикнуть она в ладонь, но вместо этого её просто подхватили и, как мешок с картошкой, зашвырнули в распахнутую дверь.

Она грузно рухнула на кожаное сиденье, скользкое и ледяное. Дверь захлопнулась с тяжелым, окончательным стуком.

– Но-о-о, родимые! – крикнул кучер, и Москва за окном превратилась в размытую полосу серого сумрака.

Алиса вжалась в угол, лихорадочно ощупывая пальцами обивку в поисках чего-то острого. Окна кареты выходили в никуда. Ни огня, ни фонарей, ни привычного шума города. Москва словно вымерла, оставив их в пустом, гулком пространстве.

«Это просто плохой приход от недосыпа. Галлюцинация. Сейчас я проснусь, и Анна будет снова ворчать за стеной про мои громкие шаги», – Алиса вцепилась в эту мысль, как в спасательный круг.

– Куда её? – раздался из темноты напротив хриплый голос.

Алиса при этом голосе вжалась в спинку сиденья.

– В Подколокольный переулочек! Куда же ещё? – ответил тот самый звонкий паренек, сидевший рядом с Алисой.

Она медленно повернула голову. Парень в низко надвинутом картузе казался вырезанным из тени.

– Я думал, что...

– Такого красного я отродясь не видел, – быстро произнес парень, перебивая хриплый голос.

– Что открыли? – прохрипел из темноты кучер.

– Портал! Сегодня!

– А-а... – раздался влажный понимающий смешок.

– Слушайте, – Алиса наконец нашла в себе силы заговорить, и её голос, хоть и дрожал, звучал дерзко. – Если это розыгрыш, то знайте – я подам на вас в суд за порчу моего психического здоровья. И за синяки на руках.

Парень лишь сухо фыркнул. Он обернулся к окну, за которым всё ещё пульсировало кроваво-красное марево.

В этот момент кучер обернулся. Его лицо, огромное и мясистое, напоминало плохо слепленную маску из сырого теста. Выпученные глаза и влажная, отвисшая губа придавали ему вид глубоководного чудовища, решившего примерить костюм джентльмена. Он посмотрел на Алису, и в этом взгляде не было ни жалости, ни интереса. Только оценка веса и качества «груза».

Она зажмурилась, пытаясь отгородиться от этого безумия, но холод сиденья и мерный стук копыт по пустоте продолжали шептать ей: это не сон.

Как бы ей ни хотелось в это верить.

И сквозь сон она слышала знакомый голос:

– Ох, окайные черти! Оставьте её... – голос соседки Анны она ни с чьим не перепутает. Даже во сне.

ГЛАВА 2: ТЕНЬ НА ЯВИ

Алиса вырвалась из сна с коротким, хриплым вскриком, который тут же застрял в пересошем горле. Простыни прилипли к телу, влажные от кошмара, а в висках набатом стучало: 08:43.

– Твою же мать... – прохрипела она, сползая с кровати.

История. Яков Станиславович. Профессор обладал уникальным талантом: он не просто ругал за опоздания, он препарировал твоё достоинство перед всей аудиторией, не повышая голоса. Мысль об этом унижении взвинтила её, как пружину.

Она вылетела из комнаты, на ходу втискиваясь в джинсы и пытаясь попасть ногой в кроссовок. Но на кухне её ждал сюрприз: на столе сиял осколками разбитый пузырёк с «успокоительной» настойкой. Крыса с самым невинным видом вылизывал лапу, сидя на табурете.

– Чтобы ты подавился этим, мохнатый террорист! – рявкнула Алиса и хотела было уже выскочить.

Но её внимание привлекла странность: с края стола стекала тёмная лужица, а пол под ним был совершенно чист. Алиса подбежала и увидела выдвинутую тоненькую полочку из-под стола.

В полке лежал чёрный кожаный переплет, залитый настойкой.

– Откуда это здесь, Крыса?!

Недолго думая, она схватила переплет, отряхнула и бросила на кровать.

Убирать было некогда. Схватив пальто, она выскочила за дверь, на ходу борясь с замком, который сегодня решил проявить твердость характера.

В вагоне метро, зажата между пахнущим старым табаком мужчиной и женщиной с огромным баулом, Алиса наконец смогла перевести дух. Но стоило ей закрыть глаза, как тьма за веками услужливо нарисовала вчерашнее: ледяную карету, костлявого Степана Терезовича. А потом печальные безжизненные глаза с красными крапинками.

Она резко распахнула веки. В ушах всё ещё вибрировал отзвук той странной, высасывающей звуки тишины.

И тут реальность дала трещину.

На перегоне перед «Спортивной» поезд начал замедляться, свет в вагоне мигнул. Свет погас. Тишина. Абсолютная. Ни гула. Ни стука. Даже собственное дыхание заглохло. Мир – застывший кадр.

«Опять? Как вчера? Только не сейчас, черт возьми, только не здесь!» – она вцепилась в поручень так, что побелели костяшки, и кровь тонкой струйкой потекла из носа. Это длилось буквально тридцать секунд.

Поезд дёрнулся. Свет врезался в глаза. Шум обрушился – гулкий, грубый, чужой. Алиса лихорадочно огляделась – лица людей были прежними: скучающими, сонными, уткнувшимися в телефоны. Только один тусклый взгляд уставился на нее. Она успела заметить серые глаза с красными лопнувшими капиллярами. Человек сразу прошел в другой вагон. Алиса вытерла кровь салфеткой и попыталась его найти. Но он словно испарился.

Вылетев из метро, уже у выхода, Алиса почти врезалась в худенькую девушку, которая молнией неслась в метро.

Это была Эмма. Но не та расхристанная прогульщица, с которой они обычно делили опоздания. Лицо у Эммы было белым, восковым, глаза огромными от ужаса. Увидев Алису, она замерла на долю секунды, и на её лице отразилось не облегчение, а что-то вроде отчаяния.

– Эм, что с тобой? – автоматически спросила Алиса, хватая её за локоть.

– Господи... только не ты... – прошептала Эмма, и её шёпот был полон такой леденящей тоски, что Алису передёрнуло. Девушка вырвала руку, рванулась прочь, спускаясь по лестницам, оглянувшись – и налетела на высокого студента со стопкой книг.

Из кармана её потрёпанной куртки выпал конверт. Он шлёпнулся на лестницы, и из него наполовину выскользнула фотография. Эмма, даже не оглянувшись, исчезла за поворотом.

Сердце Алисы, ещё не остывшее от адреналина, заколотилось с новой силой. Она подняла конверт. Простой, белый. На лицевой стороне чётким, почти каллиграфическим почерком, было выведено:

«ТВОЙ ХОД. ДУМАЙ».

Внутри лежала фотография. Пожилая женщина на скамейке у подъезда панельной девятиэтажки. Солнечный день. Снимок был таким чётким, что видны были узелки на её натруженных руках и номер квартиры на табличке у двери. На обороте – адрес: г. Саратов, ул. ...

Алиса подняла голову. Эммы уже не было видно.

– Да что это такое вокруг происходит? Может Эмме тоже приснился странный сон?

Вспомнив, что она опаздывает, Алиса положила в сумку конверт и побежала в университет. По дороге она пыталась три раза дозвониться до Эммы. Но подруга не ответила ни на один звонок. Алиса оставила ей сообщение.

В аудиторию она влетела, уже заранее ссутулив плечи и готовясь к словесной экзекуции.

– Вы припозднились, Сизова, – голос профессора прозвучал сухо, как треск старого пергамента.

Алиса замерла у входа, ожидая продолжения – саркастического замечания о её пунктуальности или лекции о важности дисциплины. Но тишина затянулась. Она рискнула поднять взгляд и наткнулась на глаза Якова Станиславовича. Профессор не злился. Он изучал её. Тяжело, пристально, с каким-то странным, почти болезненным беспокойством, которое пугало больше любого крика.

– Садитесь, – наконец бросил он и резко отвернулся к доске, словно увидел на её лице что-то, чего видеть не хотел.

Алиса пробралась к своему ряду. На задней парте, развалившись так, будто он купил этот университет вместе с профессором, сидел Максим. Лохматый, в вечно помятой толстовке, он выглядел как типичный папин сынок, для которого лекции – это досадная помеха между сном и тусовками.

Он лениво скользнул по ней взглядом. В его глазах читалось такое глубокое, почти космическое безразличие, что Алиса не выдержала.

– Тебя бы на картошку отправить, – буркнула она, проходя мимо. – Хоть какой-то тонус на лице появился бы.

Максим даже не моргнул. Он лишь чуть заметно изогнул бровь и снова уткнулся в телефон, на экране которого мелькали какие-то сложные графики, явно не имеющие отношения к истории Москвы.

Лекция превратилась в белый шум. Мысли Алисы по кругу возвращались к звонкому голосу в карете.

– ...представить вам нового студента, – голос профессора пробился сквозь её транс. – Савелий Семёнович. Перевелся к нам из Петербурга.

– Всем привет! – раздалось от доски.

Этот звук ударил Алису под дых. Звонкий. Четкий. С теми самыми интонациями.

Она медленно, преодолевая сопротивление собственных мышц, подняла голову. У доски стоял парень. Тот самый серый картуз, низко надвинутый на глаза, та же легкая, почти издевательская улыбка.

«Этого не может быть. Это ошибка. Глюк в матрице», – Алиса почувствовала, как ладони становятся влажными.

Она трясущимися пальцами вытянула телефон. Сводка происшествий по району. Прокрутка ленты... Сердце пропустило удар, когда она нашла нужную новость:

«На Спартаковской улице, у здания МГСУ, обнаружен мужчина в бессознательном состоянии. Госпитализирован с признаками глубокого шока и переохлаждения. Личность устанавливается».

Дата. Время. Место. Красный луч на стене университета.

Алиса посмотрела на Савелия. Он, словно почувствовав её взгляд, повернул голову и подмигнул ей из-под козырька своего картуза.

Значит, всё было по-настоящему. И этот тип теперь знает, где она учится.

– Привет, – прозвучало прямо у неё над ухом. Алиса дернулась так, что едва не свалила тяжелую парту. Савелий уже сидел рядом, по-хозяйски вытянув длинные ноги в проход. Из-под козырька картуза на неё смотрели смеющиеся глаза.

– Ты... ты здесь что делаешь? – выдохнула она.

– Учусь, как и ты.

– С каких это пор? – процедила она сквозь зубы.

Он лишь чуть шире растянул губы, обнажая белые, ровные зубы. Слишком белые зубы, будто фарфоровые.

– А ты забавная. Редкий экземпляр.

Это стало последней каплей. Ей стало дурно, в глазах поплыло.

– Мне плохо! – громко выдохнула Алиса, вскакивая со своего места. Стул с грохотом отлетел назад.

Она рванулась к выходу, не разбирая дороги. В дверях она на мгновение замерла и обернулась. Яков Станиславович стоял у доски, сжимая в руке мелок. Он не смотрел на Савелия. Он смотрел прямо на неё. Тот самый взгляд, который она заметила в начале – тяжёлый, знающий и бессильный.

Алиса выскочила в коридор, чувствуя, как сердце выбивает в груди безумный ритм.

Это была не галлюцинация. Ночной кошмар получил студенческий билет и сел с ней за одну парту.

ГЛАВА 3: МИР, КОТОРЫЙ ЖДАЛ

«Что делать? Бежать или сойти с ума прямо здесь, на лестнице?», – в такт шагам стучало в висках. Алиса спотыкалась о выщербленные ступени, едва не считая их носом. Ледяная карета, мертвая Москва, парень в картузе и бесячий кот – всё это больше не было сном. Это была опухоль, которая проросла в её реальность и теперь требовала признания.

– У тебя всё в порядке? Ты так неслась, будто за тобой гонится налоговая инспекция, – раздался сзади знакомый звонкий голос.

Алиса рванула прочь, но чья-то рука сомкнулась на её запястье. Хватка была не человеческой – пальцы Савы ощущались как стальные обручи.

– Тссс, – его дыхание коснулось её уха. – Не ори. Они всё ещё где-то в здании. Ищут тебя по запаху страха, а ты фонишь им, как Чернобыль.

– Отпусти меня, психопат!

Алиса с силой дернула рукой, пытаясь достать его локтем под дых, но Сава лишь легко уклонился, не разжимая хватки.

– Кто ты такой? Что вам от меня нужно?!

– Мы вчера провели чудесный вечер в карете, а ты уже всё забыла. Какая женская ветреность, – он говорил спокойно, почти весело, будто они обсуждали меню в столовой.

Алиса обернулась. Сава стоял пугающе близко. Высокий, поджарый, в том же сером картузе. Из-под его полей на неё смотрели светлые, почти бесцветные глаза, похожие на выцветшее небо. На его бледной коже яркими пятнами выделялась россыпь веснушек и едва заметные, похожие на трещинки, белые шрамы у висков.

– Значит... это не сон, – выдавила она, чувствуя, как остатки привычного мира осыпаются пылью.

Сава печально покачал головой, и рыжий локон выбился из-под картуза.

– Сон – это то, что ты видела последние двадцать лет. А произошло то, чего мы все боялись. На Спартаковской открыли портал. Плохо проварили швы, и реальность потекла.

– Какой еще портал? Где?

– Ровно там, где ты имела неосторожность оказаться, – он прищурился, изучая её с почти научным интересом. – Я думал, что ты туда сама пришла, в попытках... Ты правда ничего не знаешь? Любовь Прокофьевна не сказала, что ты из посвященных? Не читала тебе на ночь сказки о Реестре душ или хотя бы инструкцию по технике безопасности при встрече с пограничниками?

Имя бабушки ударило Алису под дых сильнее, чем его хватка. Она снова попыталась высвободиться.

– При чём тут бабушка? Она... она просто профессор по старославянскому языку.

– Понятно, – Сава снял картуз, открывая копну взъерошенных рыжих волос. – Значит, старушка решила поиграть в прятки с судьбой. Надеюсь, что если запереть тебя в шкафу из обыденности, то пророчество тебя не найдет. Мило. Глупо, но мило.

Каждое его слово было пропитано абсурдом. «Пророчество», «пограничники», «посвященная».

– Ты несешь бред, – Алиса выпрямилась, в её глазах вспыхнул опасный огонек. – Я не какая-то там «посвященная». Я студентка второго курса с долгами по латыни.

– Поверь, я один из самых адекватных персонажей в этом цирке, – Сава усмехнулся, и в этой усмешке промелькнуло что-то недоброе. – Сейчас у тебя два варианта. Идти со мной и узнать, почему твоя бабушка так любит тишину. Или... – он отпустил её руку и сделал шаг

назад, – ...вернуться в свою уютную норку и ждать, пока пара с «колтунами» из переулка придут за тобой лично. Они не любят, когда добыча сбегает.

Алиса вспомнила грязные, скрюченные пальцы тех двоих в переулке. Да и если это парень хотел причинить вред, зачем он ее спас? Чтоб причинить вред? Нелогично. Чтоб использовать в своих целях? Вот это логично. Но чем она, Алиса, могла ему услужить?

«В любом случае, буду держаться только общественных мест и выясню у него, что вчера произошло. Кто меня преследует и зачем. Иначе меня этот кошмар не отпустит. Да и откуда он знает мою бабулю?», – заключила для себя Алиса.

– Куда идти? – спросила Алиса стальным голосом.

– Туда, где заканчивается декорация и начинается фундамент, – сказал Сава, и его глаза блеснули. – Нам нужно на Даниловский.

Путь до метро был коротким, но странным. Сава вел её уверенно, но у турникетов вдруг замер. Он не выглядел растерянным – скорее, как инопланетянин, впервые увидевший тостер. Он разглядывал пластиковые ворота с таким искренним любопытством, будто это были врата в Шамбалу. С легкой, театральной улыбкой он извлек из кармана «Тройку».

– Ах, да, – произнес он, глядя на карту, как на артефакт исчезнувшей цивилизации. Он не приложил её к считывателю, а торжественно провел ею в воздухе в паре сантиметров от датчика, ожидая магического эффекта. Ничего не произошло.

Алиса, не выдержав,хватила пластик из его пальцев и с силой прижала к жёлтому кругу. Валидатор коротко пискнул.

– Иди уже, «чародей», – прошипела она, толкая его в спину.

– Забавно, – бросил Сава через плечо. – Оригинальный способ инициации движения. Я обычно... э-э-э... пользуюсь более текучими методами.

В вагоне метро он стоял неподвижно, не держась за поручни, словно его ноги были вмурованы в пол состава. Пока все пассажиры покачивались, Сава оставался вертикальным, как корабельная мачта в штиль. Он смотрел в окно туннеля, и Алиса готова была поклясться, что он видит там не кабели и плитку, а что-то, что заставляло его зрачки расширяться до краев радужки.

Они вышли на «Тульской». Даниловский рынок встретил их запахом дорогого кофе, вьетнамского супа и свежего хлеба. Сава, не глядя по сторонам, целеустремленно вел её мимо модных фудкортов в самый дальний, темный угол, где за рядами парного мяса притаилась лавка, от которой веяло пылью, корицей и чем-то металлическим.

За прилавком стоял Мирзо – пухлый мужчина с иссиня-чёрными усами, который резал огромный кусок говядины с такой скоростью, что нож казался размытым пятном.

– Сава! – Мирзо подпрыгнул, едва не отхватив себе палец. – Слухи по рынку ползут черные, как деготь. Говорят, тени на улицах начали оживать...

– Не здесь, Мирзо, – резко оборвал его Сава. – Нам нужно вниз. Две порции «свежатинки». Из-под самого прилавка.

Мужчина мгновенно посерьезнел. Его глаза метнулись к Алисе, задержавшись на ней на секунду дольше положенного. Он кивнул и жестом поманил их за прилавок, в узкую щель, где висели тяжелые туши.

– Сава, я никуда не полезу, там тупик! – Алиса уперлась ногами в грязный кафель.

– В этом мире тупиков нет, Алиса. Есть только плохая оптика.

Мирзо достал из кармана фартука бумажный кулек, зачерпнул горсть чего-то сверкающего и размахнувшись, рассеял серебристую пыль в воздухе. В воздух взметнулось облако серебристой пыли. Она не осела на пол, а повисла в пространстве, вгрызаясь в глаза колючими искрами.

Алиса хотела закричать, когда почувствовала, что пол под её ногами внезапно стал мягким, как вата. Мирзо и прилавки с мясом начали стремительно уменьшаться, уходя куда-то

вверх, к потолку рынка. Пространство под ногами разверзлось бездонной серебристой воронкой.

– Прыгай, Алиса, – прошептал Сава прямо ей в макушку. – Добро пожаловать домой. В мир, который ждал тебя слишком долго.

Последним, что она почувствовала перед тем, как окончательно провалиться в пустоту, был запах озона и холодный, злой смех, доносившийся откуда-то из-за грани её сознания.

ГЛАВА 4: ОБРАТНАЯ СТОРОНА МОСКВЫ

Шум, вонь и движение обрушились на Алису, как ударная волна. Это был не рынок. Это был хаос, застывший где-то между веком двадцать первым и семнадцатым. Даниловский рынок с его кафелем исчез, будто его никогда не существовало.

Вместо него – грохочущий, пыльный базар на земляном полу. Люди в куртках и джинсах торговались у покосившихся деревянных ларьков, а рядом с ними стояли фигуры в плащах, которых Алиса видела только в старых фильмах. По грязи тащили скрипящие телеги с тюками, от которых пахло плесенью и чем-то химически-сладким, похожим на застоявшийся формалин. В клетках из грубого дерева метались существа, которых Алиса видела только в кошмарах или в книгах по зоологии.

– Торговая площадь, – сказал Сава, и в его голосе впервые прозвучала нота... принадлежности. Он здесь свой. Он тут дома.

– Как мы... – начала Алиса, но вопрос потерялся в воздухе, рассечённом двухголовой вороной.

Птица пролетела так близко, что Алиса почувствовала взмах двух пар крыльев. Следом, оттолкнувшись от земли с пружинящим звуком бум-бум-бум, поскакал дед. Он не бежал – именно скакал, как на невидимых ходулях, отталкиваясь на три-четыре метра вверх.

– Держи ворону! Обьест всех, стерва! – орал он, тщетно пытаясь схватить птицу в воздухе.

Из соседней лавки выскочила торговка с охапкой увядших, но светящихся роз.

– Ловкача! Зови Ловкача с лоханкой!

Парень в чёрной кожанке возник будто из тени. Он что-то прошептал в ладонь, сложенную лодочкой, – и оттуда выпрыгнула, звякая тонкой цепью, маленькая металлическая коробочка. В воздухе она выросла до размера собаки, щёлкая стальными челюстями, и в следующее мгновение уже глотала двухголовую ворону, которая отчаянно каркала двумя глотками одновременно.

Сава взял Алису под локоть и повел прочь, даже не обернувшись.

– Шумно тут. Пойдём к Елене, чаю попью. Она делает лучший зефир в этом секторе.

Алиса шла, не в силах вымолвить слово, но её мозг, перегруженный чудесами, не сдавался. Он отчаянно пытался найти логику в этом безумии.

Их путь лежал через еще более людную улицу. Мимо них провели осла и козла. Животные не просто шли – они спорили, сквернословя хриплыми, человеческими голосами.

– ...И даром, что осел, тупее тебя только мой бывший! – бубнила коза.

– Заткнись, бородатая дурёха, а то как дам копытом...

– Тише там, животное! – рявкнул один из конвоиров, мужчина с лицом, покрытым татуировками в виде рун. – Или на шашлык пойдёшь, понял?

Осел фыркнул и замолчал, но в его глазах тлеяла злобная искра ума, слишком сложного для животного.

– Охотники, – пояснил Сава на ходу, не замедляя шага. – С добычей. Не обращай внимания.

В его тоне не было ни удивления, ни осуждения. Только холодная, циничная констатация факта.

Изда, в которую он её привёл, казалась кусочком другого мира, занесенным сюда случайно. Она вся была обвита плющом так плотно, что казалось, не бревна держат крышу, а живые, светящиеся лианы. Вывеска над дверью гласила: «Зефирная Елена».

Внутри воздух был густым и сладким от аромата тысяч крошечных цветов, покрывавших стены синим, сиреневым и розовым ковром. Столики, ажурные и неправдоподобно легкие, казались сделанными из сахарной ваты.

– Сказка, – выдохнула Алиса, против воли расслабляясь. Её нервная система, наконец, нашла что-то красивое, чтобы за него зацепиться.

– Почти, – как эхо, ответил Сава, усаживая её у окна.

К ним подошла, точнее, приплыла хозяйка – высокая, пышноволосяя и пышнотелая, с косой толщиной в её руку. Она поставила чашки беззвучным, плавным движением, кивнула Саве и бросила на Алису взгляд, в котором читалось скучающее презрение, смешанное с оценкой.

– Вы знакомы? – спросила Алиса, когда та отошла.

– Мы все здесь немного знакомы, – сказал Сава, и это прозвучало как предупреждение.

За окном толпа окружила худого парня в мешковатом костюме. Из его рук, будто живые золотые ленты, вырывались струи пламени. Он жонглировал ими, закручивал в спирали и снова проглатывал, не оставляя на коже и намека на ожог.

– Кто они все? – прошептала Алиса.

– Люди, – просто сказал Сава. – Которые умеют чуть больше, чем принято. Мы называем себя посвященными. Или иными. Как удобнее.

– Сделаю вид, что поняла. Но что произошло вчера? О каком портале...

– Я там оказался случайно, ровно, как и ты, – он лукаво ей подмигнул. – Я точно не могу утверждать. Но существует поверье, что этот портал указывает путь к сокровищам, – перегнулся Сава через стол и оглядываясь по сторонам, шепотом продолжил. – К каким-то особенным сокровищам. Ты оказалась в эпицентре. И ты должна была там оказаться, согласно предсказанию, – загадочно сказал он последнее предложение.

У Алисы перехватило дыхание.

– При чем тут я и моя бабушка?

– Любовь Прокофьевна, – Сава кивнул, – решила, что сможет тебя спрятать. Подавить твой дар зельем. Она почти преуспела, – в его голосе не было осуждения, только холодный анализ. – Но дар – он как река. Его можно запрудить, но не остановить. Ты проснулась.

– Значит я посвященная и должна что-то уметь, – Алиса кивнула в окно. – Вот так ловко метать огненными лентами и я не умею. Да и кареты личной прозрачной у меня нет. Я вынуждена тебя разочаровать. Ничего я не умею, – вызывающим голос заявила Алиса и скрестила руки на груди.

Алиса заметила секундную растерянность в глазах Савы. Но потом он широко ей улыбнулся.

– Ходили слухи, что Любовь Прокофьевна круто над тобой поработала, – Сава посмотрел на неё, и в его светлых глазах мелькнуло что-то похожее на жалость, но тут же исчезло. – Но ты что-то умеешь. Иначе бы тебя здесь не было. Иначе бы, после открытия портала, они не искали тебя вчера.

– Ты говоришь загадками! – Алиса ударила ладонью по столу, и ажурный столик из сахарной ваты слегка звякнул. – Если я такая важная, почему меня не ждали? Почему я должна верить тебе, человеку, который не знает, как работает турникет?!

– Я хранитель. Слежу за порядком в нашем... сообществе, – он выбрал слово тщательно. – А умею я вот что.

И он исчез.

Не отшатнулся, не вышел – он схлопнулся. Растворился в воздухе, будто его и не было. Чашка на столе слегка звякнула, как от легкого толчка.

Алиса вскочила, задев стол. Никто в кафе не среагировал. Только Елена за стойкой фыркнула, явственно выражая свое отношение к паникующей новенькой.

Холодное прикосновение на плече заставило её вздрогнуть. Сава стоял сзади.

– Перемещение в пространстве, – сказал он, возвращаясь на свое место. – Базовый навык для моей работы. Успокойся, Алиса. Ты в безопасности.

Он что-то ещё говорил – о службах, об охотниках, – но слова текли мимо. Её мозг застрял на одном: почему она? И где сейчас бабушка? Её мысли прервал пронзительный крик.

Люди с соседних столов вскочили и побежали к выходу.

– Что...? – только и успела произнести Алиса.

Сава схватил ее за локоть и потянул к выходу.

Небо заметно потемнело. Шелест десятки хлопающих крыльев заглушил все крики и шумы.

На рынке царила неопишуемая суматоха. Кто-то, торопясь, закрывал ларьки, кто-то бежал в конец ряда, кто-то вопрошал в небо, что происходит.

– Не слыхано! Средь бела дня! – впопыхах прокричала мимо пробегающая торговка цветами.

– Туда! Все бегут туда! – Сава вновь схватил Алису.

Они побежали вместе с громко охающей и возмущающейся толпой.

Толпа окружила огромный прозрачный шар с витающими внутри звездами. Алиса не сразу поняла, что это дом, а не уличная декорация. По низу шара шел едкий зеленый дым.

– Что с Полинью? – Сава выступил вперед и затерялся в толпе. Алиса потеряла его из виду.

Вороны спускались вниз, их силуэты вытягивались и преображались в хмурых стражников в кожаных длинных плащах.

– Всем разойтись! – они мгновенно начали разгонять любопытную толпу.

Но толпу уже было не остановить.

– Исчезла, – пробурчала цветочница.

– Убили, – провыла пышная дама, выбежав из соседней лавки. – Убилиииии.

Алиса вокруг увидела суматоху, люди начали бегать вокруг, пытаясь получить хоть какую информацию.

Алиса еще раз внимательно посмотрела на дом. Воздушный шар потемнел, на нем то и дело взрывались кляксы чёрных чернил с приглушённым, плачущим хлопком. Алиса поняла. Дом оплакивал свою хозяйку. Он ее потерял. На крыльце и рядом были разбросаны вещи. Видимо, преступник, что-то искал и очень торопился. Зеленый едкий дым рассеивался.

В этот момент перед ней, словно из-под земли, вырос Сава.

– Смотри, – шепнула Алиса Саве на ухо.

Её очень внимательно изучал взлохмаченный мужчина, в огромных, увеличительных линзах.

Как только Алиса на него посмотрела, он увел глаза и торопливо зашагал прочь, быстро и не оглядываясь.

– Стефан Мильевич! – не раздумывая крикнул Сава и побежал за ним. Алиса побежала за ними, но через шаг споткнулась и упала. То, что она посчитала за камень, о который споткнулась, оказался небольшим медальоном. Её пальцы сами сжали холодный металл. На ладони, где секунду назад был простой медальон, теперь лежал знак. Тот самый. С трещиной. С дневника. Без мысли, одним движением она сунула его в карман. И побежала за Савой. Он уже был далеко впереди нее. Сава уже заворачивал за угол.

– Ты куда пропала? – с одышкой спросил Сава, опиравшись руками на колени.

– Я упала... споткнулась, еле тебя догнала.

Алиса не знала, насколько можно доверять Саве. Ведь его знала она не более одного дня. Да и знакомство произошло при весьма странных обстоятельствах.

– Тут такие захламленные дороги. Всякий мусор лежит. Немудрено споткнуться, – понимающе кивнул Сава.

– Мы его упустили? – Алиса разочарованно оглянулась.

– Кого? – широко улыбнулся Сава. – Стефана Мильевича? Хе-хе. Так вот ж его лавочка. Я же говорил, мы друг друга все знаем, – Сава раскинул руками перед собой.

Алиса приоткрыла рот от восхищения. Москва сама по себе прекрасный город. Но таких замысловатых зданий она не видела. Лавка будто была собрана из часов на разный лад. С циферблатами на разных языках и с разными механизмами.

– Пройдем за мной, – кивнул Сава и пошел вперед.

Сумерки сгущались над торговой площадью, вороны все еще облетали лавки.

Когда они зашли в темное помещение, их обдало запахом шоколада и... столярным клеем. Станный дуэт.

Красный свет лампы заливал комнату, превращая её в рану. Со стен, с потолка, с грудами на полу на них смотрели сотни циферблатов. Тканье, бой курантов, мерное поскрипывание – всё сливалось в хорал сумасшедшего хора.

За столом, уставленным «трупиками» разобранных часов, сидел человек. Лохматые каштановые волосы, на носу – увеличительные линзы, похожие на глаза насекомого. Он не поднял головы.

– Добрый вечер, Стефан Мильевич, – поздоровался Сава, стараясь говорить уважительно.

Часовщик засопел, откашлялся. Игнорировал.

– А я не один.

Только тогда Стефан Мильевич лениво глянул. Из-под кустистых бровей сверкнули ледяные голубые глаза. Они скользнули по Алисе – быстро, без интереса – и вернулись к шестерёнке в его пальцах.

– Видел, – отозвался часовщик.

– Стефан Мильевич, вчера открыли портал.

– Меня это не волнует, – часовщик даже не поднял тона.

– А убийство Полиньи вас тоже не волнует? Как-то странно, что после этого происшествия, вы шмыгнули сюда и продолжили работу. Не уж то так...

– Это не моя работа. Моя работа чинить часы. А Полинью жаль, – старик провел рукой под очками. Алисе показалось, что он вытер набежавшую слезу.

– Вчера открыли портал, сегодня убили Полинью, которая все это предсказала и предупреждала о происшествии уже как два года! Это должно волновать всех! – голос Савы сорвался. – Это угроза для...

– Меня. Это. Не. Волнует. – Стефан Мильевич произнес это с такой плоской, окончательной усталостью, что стало страшнее любой истерики. – Я чиню время, а не спасаю миры. Миры пусть спасают те, кто их ломает.

– Но вы же знаете всё о часах! О ритмах! Вы чувствуете течение времени! Вы должны были почувствовать вчерашнюю аномалию...

Сава заходил по кабинету, будто пытаясь что-то высмотреть. А Стефан Мильевич напротив, словно скрючился за столом, пытаясь отгородиться от Савы.

– Я могу починить твои карманные, если сломались. Или настенные. Или солнечные, – он снова ухмыльнулся, не отрывая глаз от работы. – Всё остальное – не моя мастерская. А если ты пришел за предсказанием, Сава, то вот тебе моё: ты плохо кончишь. Как и все, кто сует нос в чужие шестеренки. Вчера открыли портал, сегодня убили Полинью... – И везде Сава, – последнее предложение Стефан Мильевич пробурчал под нос.

Сава, багровея от гнева и бессилия прокричал.

– Я думал, дружба для вас что-то значит. Вы с Полиньей были как сестра с братом. Жаль, что трусость оказалась сильнее кровных уз. Или это не трусость, Стефан Мильевич?

– Не тебе меня дружбе учить, Савелий, – часовщик уставился сквозь линзы на Саву. – Преступник обязательно будет наказан. Это дела стражников, надзора и чистого суда.

Сава фыркнул, развернулся и вышел, хлопнув дверью. Алиса бросилась следом, но на пороге обернулась.

Часовщик смотрел прямо на неё. Его голова была склонена набок, изучающе. Челка со лба отошла, обнажив часть тонкого рубца на лбу.

Алиса рванула за Савой.

На улице Сава исходил ядом.

– Старый хрыч! Он всё знает! Знает и молчит!

– Почему? – выдохнула Алиса, пытаясь угнаться за ним.

– Потому что боится. Или... – Сава оглянулся, его глаза метались. – Пойдём отсюда.

Он зашагал так быстро, что Алисе пришлось бежать.

– Сава, подожди! – она схватила его за рукав. – Что происходит? Почему все делают вид, что ничего не было? Кто вообще должен этим заниматься?

Он резко остановился, вцепился ей в плечи.

– Потому что это страшнее, чем ты думаешь! Портал был запечатан четыреста лет. Его открытие – это не случайность. Это начало. Об этом и говорила Полинья последние два года! Она всех пыталась предупредить. Но Совет Старейшин выставлял ее городской сумасшедшей. Видимо, сейчас она стала для них наиболее опасной! А если мы не поймём, кто и зачем это делает, до Нового года мир, каким мы его знаем, развалится на куски.

– Ты в этом уверен?

– Было предзнаменование, – он запнулся, и в его глазах мелькнуло что-то вроде страха. Не за себя. – Я видел его. И Полинья...

– Кого?

– Неважно. Важно то, что они ищут. Сокровища? Врата в иное время? Я не знаю. Но я знаю, что ключ уже в игре, – он отпустил её и снова зашагал.

Они вернулись к тому же сарайчику. Пустой, темный Даниловский рынок встретил их гулким эхом. Воздух пах уже не специями, а моющим средством и одиночеством. Сава ловко, одним движением мизинца, подцепил ключ из-под роллеты и отпер дверь.

– Я тебя провожу, – сказал Сава у выхода на улицу. В его тоне не было просьбы. Это был приказ.

Алиса молча кивнула. Она была слишком опустошена, чтобы спорить.

Мир перевернулся, и теперь единственный якорь в этой новой, чудовищной реальности – это Сава. Который, казалось, сам теряется в этой реальности.

ГЛАВА 5: СТРАННОСТИ ТОЛЬКО НАЧИНАЮТСЯ

Дрожь пробежала по коже, едва они прошли арку Подколокольного. Не холод – предчувствие. Ночь, казалось, сгустилась, стала плотнее, хотя фонари горели исправно, заливая галерею мертвенно-желтым светом.

Молча шли по булыжной мостовой. Сава шел впереди, его спина была напряжена, как струна. Он не просто оглядывался – он сканировал темноту, выхватывая невидимые детали, от которых у Алисы пробегали мурашки.

– У твоих соседей бессонница, – попытался шутить он, но смешок вышел нервным, сдавленным. Скорее, это была попытка успокоить себя.

Алиса подняла голову. В окнах горел свет. Во всех. Даже у Анны. От одного этого факта по спине побежал холодок. В одном из окон мелькнул силуэт – и растворился, будто его и не было.

– И старуха не спит... – прошептала она, и теперь в её голосе звучала не только тревога, но и подозрения. Сава не слышал. Он был поглощен поиском чего-то невидимого, но явно опасного.

– Всё в порядке? – голос Алисы дрогнул, несмотря на её попытки казаться неприступной.

– Да, – ответил он слишком быстро, почти резко. – Просто... должен убедиться, что дома чисто.

Они дошли до подъезда. Сава остановился, его голова была запрокинута. Он уставился на подоконник Алисиной квартиры, где притаился чёрный силуэт. Кот. Алиса не поняла, на что именно смотрит Сава, но его лицо было напряжено. Он молчал. Потом резко развернулся обратно, к арке.

– Будь осторожна, – бросил он через плечо, прежде чем раствориться в тенях ночи.

Тишина на улице стала глухой, давящей. Алиса поторопилась домой. Несмотря на усталость и полный событиями день, весь вечер она думала только об одном.

Быстро прошмыгнув в квартиру, она забежала в спальню. Под мяуканье кота, она схватила черный кожаный переплет. У Алисы затряслись руки. Да, она не ошиблась.

На кожаном переплете был нарисован синей ручкой круг, рассечённый резкой, как молния, трещиной. Алиса закрыла глаза и глубоко вздохнула. Дрожащими руками она достала из кармана медальон. Медальон и рисунок совпали с пугающей, миллиметровой точностью. От этого совпадения свело желудок.

Такой же знак. В глазах у нее помутнело. Что общего у ее бабули может быть с предсказательницей? Кроме одинаковых знаков... и то, что они обе исчезли. Мурашки прошли по спине Алисы.

– Нет, не может быть! Бабуля просто уехала в Карелию расшифровывать манускрипты.

С дрожащими руками она открыла переплет. Он был толстый, пожелтевший, ему явно было более десятка лет. И каждый лист был исписан мелкими круглыми буквами бабули. Алисе было сложно разобрать почерк, лишь отрывочные фразы.

Годы наблюдений. Предупреждения Полины. Гнев Совета, требующего прекратить. Страшная догадка: «Это не разлом. Это чей-то зов. Он заманивает».

«30 июня 2023 года. Совет в ярости. Меня требуют исключить за самовольные действия и воспрепятствованию явлению посвященной. Я от своего не отступлю. «Колесники» со мной. Они знают. Совет будет напирать».

И последнее, написанное дрожащей рукой: «Любимая моя девочка... я должна тебя глушить. Прости».

Алиса обняла переплет и разрыдалась. Пока она жила спокойной жизнью, бабушка вела непосильную войну за её неведение, за её обыкновенность. Любовь Прокофьевна пыталась ее защитить неведением.

Кому она может довериться сейчас? Сава пытается помочь. Но почему? В чем его интерес? В этом новом мире она не знает кто кем является.

«Бабушка... За что?» – сердце сжалось от ледяной обиды. – «Неужели Совет добрался и до неё? Но они же... Кто тогда убил Полинью?»

Часы показывали уже десять часов. В голове возрастал гул. Как в детстве. Капли... Бабушкины капли ей помогали! Но этот дрянной кот их разбил.

Гул нарастал, виски пульсировали, а перед глазами мелькали ужасные сцены с торговой площади с перевоплощающимися воронами и возникали фосфорно-желтые глаза Крысы. Откуда Крыса знал местонахождение бабушкиного дневника. И как он открыл этот тайник? Зачем бабушка вообще притащила этого противного кота домой?!

Гул перерос в ярость. Бессмысленную, слепую. Алиса вскочила и, не отдавая себе отчета, забежала в кабинет бабули и начала выворачивать все полки. Ничего, абсолютно ничего. Только ее работы профессора по старославянскому языку. Она забежала на кухню, стала искать под столом, шарила в ванной, в коридоре. Но ничего не нашла. Разъяренная и обессиленная, она зашла в спальню. Сперва плюхнулась на кровать, а затем вскочив, словно кошка, вцепилась в простыни и все повалила на пол. За подушкой она заметила, что обои отошли. А за ней виднелась темная краска. Алиса впилась ногтями в край обоев у изголовья кровати. Сухой бумажный шелест заполнил комнату. Она рвала их, сдирала длинными полосами, под ними проступала серая штукатурка и... линии.

Она замерла, переводя дыхание. Под слоем бумаги, прямо на стене, кто-то нарисовал темно-коричневым, почти чёрным, схему. Узнаваемый контур их дома в Подколокольном, лестничные клетки, квартиры. Внутри некоторых квадратов стояли имена или инициалы. В их с бабушкой квартире было выведено: «Л.П. + А.». Рядом с квартирой Анны – просто жирная точка. А в стенах, на лестницах, в перекрытиях между этажами были расставлены маленькие, аккуратные значки: крестики, кружки с точкой внутри, спиральки.

«Защита, – прошептала Алиса, проводя пальцем по холодной штукатурке. – Она всё запечатала. Заклятия в стенах. Имена врагов... или союзников? Или это не имена, а метки? «Л.П. + А.» – под защитой. А точка у Анны... Цель? Ловушка? Наблюдатель?». Она прищурилась, пытаясь разглядеть смысл в этих значках, и ей почудилось, что крестики – это ловушки, а спиральки – слуховые заклинания. Анна – точка. Безликая. Без имени. «Потому что она – кто?».

Она нашла карту крепости. Теперь нужно понять, кто на ней страж, а кто узник.

И в этот миг в подъезде, прямо за дверью, раздался звук. Не шаги. Тихий, влажный шорох, будто по бетону провели мокрой тряпкой. Алиса затаила дыхание и на цыпочках подкралась к глазку.

В полутьме коридора Анна, закутанная в тот самый цветастый халат, вышла из квартиры и взяла Крысу на руки.

– Какого черта Крыса делает у этой ненормальной старухи? – прошипела Алиса.

Кот фыркнул и махнул хвостом. Анна выпрямилась, оглянулась пустым, ничего не выражающим взглядом (он скользнул по глазку Алисы, и та внутренне съежилась) и... подошла к глухой торцевой стене, где по плану должен был быть вентиляционный короб. Она приложила свободную ладонь. Камень под пальцами на миг стал темен и текуч, как густой дым. Анна шагнула вперед – и растворилась в нём вместе с котом, будто их и не было. Стена снова стала просто стеной из старого кирпича.

Алиса отпрянула, ударившись спиной о вешалку. В ушах зазвенело.

Что там у старухи могло быть? Логово ведьмы? А Крыса? Они идеально сочетаются: ведьма и черный кот!

Её соседка, столетняя старуха, прошла сквозь каменную стену.

Она могла делать это всегда. Значит, все эти годы... тишина в квартире, её чувство уюта, даже бабушкины капли – всё это было под её контролем. Она не странная старуха. Она – враг!

Судорожно оглядевшись, Алиса схватила старую куртку, схватила телефон и медальон, и выбежала из квартиры. В голове у нее крутилось лишь одно:

– Я должна все выяснить. Я должна понять, что угрожает моей бабуле. И сейчас самое время, пока за мной никто не следит.

ГЛАВА 6: ШАР В ТЕМНОТЕ

Болеутоляющие были бесполезны. Оставалось одно – двигаться. Алиса проскользнула на Даниловский. Ключ, фартук с порошком – всё было на месте. Она не думала о Саве. Вообще ни о ком думать не хотелось. Доверять было некому.

Лавка-шар стояла, почерневшая и тихая. Стражи ушли – скандал утих. Место преступления превратилось в брошенную декорацию.

– Надо найти хоть что-то, что свяжет Полинью с бабушкой, с этим знаком... – бормотала она себе под нос, пытаясь заглушить нарастающую в висках тревогу. – Сава говорил, что Полинья что-то знала. Может, она оставила подсказку не для стражников, а для таких же, как она? Для тех, кого предупреждала?

Алиса, озираясь, проскользнула за ленты. Дверь была закрыта. Она несколько раз прошлась вокруг дома, пока не обнаружила приоткрытое окно. Стекло поддалось с тихим стоном.

Лавка-шар была пустой и разгромленной. Перевернутый стол, опустошённые книжные полки, вывернутые шкафы – всё говорило не просто о поиске, а о ярости. Фонарик Алисы светил тускло, но в этой слабости была своя безопасность. Знак разбитого солнца тут был повсюду – на стенах, на обрывках пергамента. Полинья не просто верила в него. Она жила им.

Алиса начала смотреть по шкафам.

– Тут что-то должно быть, – даже не надеялась она, а требовала от себя. – Не может быть, что никаких следов. Или стражники всё вынесли... Или вынес кто-то другой.

Гул снова нарастал. Становился безумным, до тошноты. И сквозь гул она опять начала слышать отдалённые голоса – обрывки споров, шёпот, чей-то плач. Алиса рухнула на пол, вжавшись в холодные половицы. Она поняла, что поступила глупо. Но отступать было поздно.

Голова пульсировала, выбивая адский ритм. И сквозь этот хаос пробился иной звук – чёткий, ритмичный, как тиканье метронома. Её сознание, привыкшее к какофонии, невольно потянулось к этой упорядоченной пульсации. К тишине в центре бури. Под перевернутым столом что-то тускло мигало. Алиса поползла.

Небольшой шар, похожий на маленькую миниатюру этого дома, с такими же вспыхивающими чернильными кляксами.

– Холод... он стучался в двери Полиньи... – пропело пространство вокруг шара, и воздух резко схватило ледяными тисками. Шар покрылся инеем.

Фонарик выхватил из-под стола странный блик. Не стекло – ответ на тёмном дереве. Алиса наклонилась ниже, почти касаясь щекой пыльного пола. Там. Под самой столешницей, на самой доске, кто-то вырезал сложный механический знак... Часы. Арабский циферблат. Переплетение шестерёнок. Она его тоже видела где-то? Но где? Сердце ёкнуло, выдав глухой удар где-то в горле. Она потянулась, чтобы коснуться шершавой резьбы – и застыла.

Скрип. Не в доме. В окне.

Шаги. Тяжёлые, неспешные.

Алиса вжалась в тень стола, перестав дышать.

«С таким риском тащиться сюда, чтоб потрястись от страха за перевернутым столом. Аплодисменты тебе, Алиса! – ярость к самой себе была едкой и ясной. – Нужно хоть знак запомнить!»

Она отчаянно впиалась глазами в резные линии, вгрызаясь в память каждым изгибом. Шаги замерли где-то у входа. Потом – развернулись. Затихли, удаляясь в другую комнату.

Сейчас.

Как только звук шагов растворился в глубине лавки, Алиса метнулась к окну. Выскочила, не оглядываясь, сорвалась на землю. И в тот же миг за спиной – шорох. Быстрый. Приближающийся. Шаги вернулись.

Алиса рванула в сторону сарая, не разбирая дороги, подгоняемая ощущением чужого взгляда, впивающегося в спину между лопаток.

Она обернулась лишь однажды. В окне, в квадрате чёрного стекла, мелькнуло что-то тёмное. Слишком чёткое, чтобы быть тенью. Слишком неподвижное, чтобы быть случайностью.

– Надеюсь, показалось, – выдохнула она, но голос звучал пусто, как эхо в колодце.

Лишь выйдя за ворота рынка, когда свет фонаря упал на знакомую мостовую, Алиса смогла перевести дух. Дрожь в коленях не утихала.

Она добралась до дома и плюхнулась в кровать, не раздеваясь. И лишь тогда, в гробовой тишине своей комнаты, осознала – гул отступил. Не полностью – притупился. Будто получив искомый кусочек мозаики, на время успокоился. Голова уже не взрывалась.

Усталость накрыла её, густая и безразличная. Она забылась в тревожном сне, где дралась с огромным чёрным котом, фосфорные глаза которого не мигали, а бабка с костылём гнала её из квартиры, и стук костыля отдавался в висках тем самым ритмом, что вел её под стол Полины. И в конце её окутал холод – не сонный, а тот самый, знакомый, из лавки-шара.

ГЛАВА 7: ПОБЕГ

Но вот университет никто не отменял. Алиса засобиравалась на занятия. Хотя бы для того, чтобы поделиться своими подозрениями с Савой.

Алиса схватила сумку, лихорадочно расстегнула её и начала рыться внутри. Но его там не было.

– Потеряла конверт? – мысль мелькнула и тут же умерла. В этом доме ничего не терялось. Все исчезало. Целенаправленно. – Я точно положила его в книгу по философии... Книга лежала на месте. Конверта – нет.

Случайность? В ее жизни кончились случайности. Конверт с лицом чужой женщины, адресом в Саратове... При чем тут Эмма? При чем тут всё это? Связь была. Железная и невидимая, как та нить, что теперь тянулась от нее к исчезнувшей фотографии, а от фотографии – куда-то в темноту, где сидел за ширмой кукловод. Еще одна ниточка, оборванная кем-то за нее.

Университет был прежним. Суетливые студенты, запах пыли и старых книг. Но Эммы, у которой она могла выяснить про фотографии, в университете не было. На звонки и сообщения она также не ответила.

– Хотя в полицию о пропаже заявляй, – нервно прошептала она.

И решила, что так и поступит, если в течение дня Эмма так и не ответит.

Максим спал на задней парте, казалось, настолько глубоко, что его невозможно было разбудить даже ядерным взрывом.

Савы не было сегодня, и это расстроило Алису. Только Сава мог ей ответить на вопросы. Только с ним она могла поделиться вчерашним открытием. Медальон с разбитым кругом, бабушкин дневник. Может Саве удалось бы найти верное толкование этому?

И еще разбитые капли... Голова снова вздулась от гула.

Хотелось одного – сбежать, завернуться в одеяло и проспать до приезда бабушки.

Лекция пролетала мимо. В перерыве, она встала, чтобы уйти, не дожидаясь конца пары.

– Вы выглядите неважно, Сизова, – громоподобный голос прозвучал прямо над ухом. Яков Станиславович. Но в его тоне не было привычной злобы. Была... тревога. Тревога, которую она заметила еще вчера.

– Я... простите... – пробормотала Алиса.

– Что случилось? – он взял её за плечи, и его касание было не грубым, а крепким, отеческим. И слишком знающим.

– Шумы. Голова. Хочется выть, – выдавила она, и это была чистая правда. Боль запульсировала с новой силой, синхронизируясь с низким гулом.

– Капли? – Он оглянулся, как вор, проверяющий, нет ли свидетелей.

– Кончились. Кот разбил.

– Срочно нужны новые. Идём.

Он почти потащил её из университета, его широкие шаги заставляли её бежать рысцой.

– Сава тебе уже нашептал всякого, да? – спросил он на ходу, даже не пытаясь скрыть, что он в курсе всего.

– Наговорил, но ничего не объяснил.

– Такова наша доля, – вздохнул профессор. – Но держись. Бабушка бы тебя защитила. Жаль, её нет.

Они спустились в метро. На Кропоткинской профессор повел её к обычной, заурядной аптеке с вывеской «Здоровье». Алиса разочарованно вздохнула.

– Здесь не менее интересно, – буркнул он и зашёл внутрь.

У кассы он не стал предъявлять рецепт.

– Мне нужно изготовить лекарство. По старому заказу. Для Любви Прокофьевны.
Фармацевт-блондинка растерянно помотала головой, но из подсобки раздался хриплый, командный голос:

– Пропусти их, Верочка.

В подсобке их ждала двухметровая женщина, улыбающаяся белоснежной, неестественной улыбкой.

– Мидия Илисовна, – кивнул профессор.

Та что-то зашептала, покопавшись в коробке с ватой. Раздался скрип, и задняя стенка подсобки бесшумно съехала в сторону, открыв узкий, тёмный проход.

Воздух за ним был другим. Густым, сложным – сухие травы, едкие смолы, озон и старость. Это была не аптека. Это был арсенал. Сотни сосудов на тёмных деревянных стеллажах, уходящих ввысь. В бутылках пузырились жидкости цвета запёкшейся крови, расплавленного золота, ночной синевы.

За стойкой из чёрного дуба стоял человек. Высокий, худощавый, в безупречном сюртуке, который выглядел так, будто его сшили лет двести назад. Его пальцы с хирургической точностью взвешивали порошок на крошечных весах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.